

ПРЕДМЕТ И КАЧЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

РУЗАН ГРДЕЛЯН

Познание вещей позволяет дать им имена.
Павел Флоренский

Что есть *мир*? *Мир-сам-в-себе* – это мир и ничего, кроме мира. *Мир-сам-в-себе* – не понятие, ибо понятие есть нечто объективированное и познанное, а значит, наделённое свойствами, качествами, признаками. Мир же в такой ипостаси – это непознанная, неосмысленная, неразделённая сущность. А что есть *мир-вокруг-нас*? Это опредмеченная, обречённая на бесконечную объективацию ипостась мира. Это познанная и познаваемая целокупность – множество взаимосвязанных предметов, их свойств, качеств и признаков. Человек помещён в центр именно такого мира – мира им самим сотворённого и творимого, мира познанного и бесконечно познаваемого. Образ антропоцентричного мира выражен в строках Омара Хайяма: «Окружность мира - перстень драгоценный, а мы в том перстне - вправленный алмаз». Все грани мира преломляются в сознании *Человека-познающего*, лучами проникают сквозь «алмаз его мысли» и рассеиваются вокруг светом разума. Это и есть познанный человеком мир - мир в большой своей части познаваемый через язык и с помощью языка. Познать мир – значит, увидеть в нём предметы, сделать его дискретным. А выделить предмет из целого – значит установить его свойства, признаки и качества. Вот изначальный механизм познания мира, находящийся также в основе языкового мышления.

Язык, являясь инструментом мысли, членит мир на две составляющие – предмет и его признаки, субъект и предикат. Данное фундаментальное свойство познанного мира и отражающего этот мир языка в грамматике находит формальное и семантическое выражение прежде всего в выделении частей речи. Однако этот механизм сколь прост и привычен в своей формулировке, столь же сложен в своём действии.

Где грань между самим предметом и его качеством? Есть ли она вообще? Например, *небо* – это объект внешнего мира, предмет, который в языковой картине мира с неизбежностью заключает в себе определенные стереотипные признаки, которые могут не совпадать с признаками этого же природного объекта в научной картине мира. «*Но в конце концов, небо у всех одно*», - отметила В. Токарева. Таким образом, *небо* в рамках стереотипного, наивного представления человека о мире заключает в себе

такие признаки, как «высокое», «бескрайнее», «голубое», что находит отражение в словоупотреблении¹, ср.: (1) «Зима здесь двухцветна — бледно-синее высокое небо и белая земля». В. Шаламов; (2) «**Высокое небо** со всеми своими светилами как стог громоздилось над головой». А. Иванов; (3) «Так было в тот вечер: черная, пустая круглая земля и звездное **бескрайнее небо**». Тэффи; (4) «Короче, я упал. Увидел **небо, такое огромное, бледное, загадочное**». С. Довлатов; (5) «Какой изумительный сад! Белые массы цветов, **голубое небо**...». А. Чехов; (6) «**В долине неба синей-синей** / Паслись, как овцы, облака». Н. Гумилёв.

Таким образом, небо мыслится как предмет, на который можно указать или который можно мысленно представить в виде картинки. У этого «предмета» есть свойства и признаки: внутренние – исходящие от него самого, или внешние – присваиваемые ему *Человеком познающим* (и переживающим!). Например, одним из стереотипных признаков неба является его цвет, что выражается в таком же стереотипном русском словосочетании – *лазурное небо*. Однако столь же стереотипным является словосочетание *небесная лазурь*, где предмет и его признак как бы меняются местами, ср.: (1) «**Небесная лазурь** — результат рассеяния солнечных лучей молекулами воздуха». С. Вавилов; (2) «Здесь-то я вижу **небесную лазурь**, чудное море, очаровательные краски воздуха, гор, долин, лесов...». К. Циолковский; (3) «Издали казался точно сказочный замок, у подножия которого застыли облака, а наверху, вместо крыши, расстилась бесконечная **небесная лазурь**». М. Салтыков-Щедрин; (4) «Где воздух чище, солнце ярче, / **Лазурь небесная светлее**». Н. Добролюбов.

Что является с функционально-семантической точки зрения предметом в подобных текстах – *лазурь* или *небо*? Кажется, что текст (1) даёт ответ на этот вопрос, поскольку в нём характеризуется именно лазурь, а не небо. Существительное же «небо», трансформируясь в прилагательное «небесный», указывает на принадлежность, на связь лазури именно с небом (ср. словосочетание *лазурь неба*, а также *морская лазурь*, *лазурь моря*). Тексты (2) - (4) указывают на наличие у слова «лазурь» положительной семантики – лазурный цвет обычно ассоциируется не со всяким небом, а только с ярким, ясным, жизнеутверждающим, следовательно, существительное «лазурь» преимущественно встречается в контекстах с положительной семантикой и заключает в своей семантической структуре больше «признаковых» компонентов смысла.

Однако в дискурсе мы встречаем множество промежуточных случаев, где «предметность» и «признаковость» диффузно представлены в обеих лексемах, следовательно, утверждать, что существует жесткая граница между предметом и качеством, сложно. Так, в следующем тексте

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка - <http://www.uscpora.ru/old/search-main.html>

существительное *лазурь* наделено предметностью в малой степени, ср.: (5) «*Небо смешало глубокую лазурь с оранжевою пламенностью и казалось ликующим ярко и злорадно*». Ф. Сологуб. В данном случае существительное *лазурь* в большей степени именуется признаком, нежели предмет, возможно, по той причине, что является обозначением цвета, то есть по сути своей «признаковой» сущности, которая усилена определением «глубокая». Ср. также текст, в котором «столкнулись» существительное-субъект *небо* и существительное-предикат *лазурь*: (6) «*День был прекрасный, солнечный; небо - мартовская лазурь*». Д. Карапетян. Примечательно, что *небо* и *лазурь* при кажущейся семантической равнозначности не могут в данном случае поменяться местами, то есть *небо* (возможно, за исключением отдельных случаев) не может стать предикатом при субъекте, выраженном существительным *лазурь*, ср. **Лазурь – мартовское небо*. Ср. также аналогичный текст: (7) «*Это было у моря / В городке конференций, / Где цветут эдельвейсы / И где море — лазурь*». В. Сидур.

Возможно, объяснение подобного факта кроется в денотативной природе слов *небо* и *лазурь*. С одной стороны, это синонимы, следовательно, они должны соотноситься с одним денотатом. С другой же стороны, *небо* – это неизменный, постоянный объект окружающей нас действительности, *лазурь* же – это во многих случаях цвет, на который мы указываем опосредованно – через его отношение к предмету «небо». *Лазурь* – объект переменчивый, непостоянный, зависящий от погодных условий. По сути, *лазурь* в значении ‘небо’ является следствием метонимического переноса. Таким образом, денотат слова *лазурь* представляет собой некий «раздвоенный» вариант денотата слова *небо*. Выступая в облики предмета, «лазурь» не перестает быть носителем признака, а значит, в этом существительном с неизбежностью будут совмещены предметность и признаковость. В реальных же текстах мы сталкиваемся с разными употреблениями и семантическими реализациями этого слова – от преимущественно «признаковой» семантики до преимущественно «предметной». Так, в известных строках Ф.И. Тютчева наиболее выражена признаковая природа этого слова, усиленная определениями, ср.: (7) «*Пустеет воздух, птиц не слышно боле, / Но далеко еще до первых зимних бурь / И льется чистая и теплая лазурь / На отдыхающее поле...*», ср. также: (8) «*Увидал белые гроздья ароматной сирени и нежно-голубую лазурь*». А. Белый; (9) «*Лился он не из туч, а из унылой серости неба, внезапно сменившей утреннюю лазурь*». А. Черчесов; (10) «*Потом они потянули прочь, через просторную воду, на запад, где небесная синь вдали светлела, переходя в нежную лазурь*». Б. Екимов.

Однако в русском дискурсе мы наблюдаем также немало текстов, где слово *лазурь* выступает преимущественно как предмет, а его «признаковая» природа максимально редуцирована, ср.: (11) «*Выйдя на улицу и найдя там уже совершенную слякоть и разлезлое таяние снега,*

Вронченко посмотрел на *осиротелую лазурь* ...». Ю. Тынянов; (12) «Усыпана *лазурь* золотыми звездами, блестят они и днем и в ночи». К. Федин; (13) «За открытым окном чернеет темная масса святого Давида и горит *звездная лазурь*». С. Надсон.

Таким образом, в реальных текстах мы встречаем множество «переходов», промежуточных состояний между предметом и признаком, что является, прежде всего, свидетельством размытости границ между предметностью и признаковостью. На деле эти сущностные характеристики окружающего мира представлены не в виде биполярных явлений, а в виде градационной шкалы со множеством промежуточных случаев.

В то же время в синхронном срезе языка, а точнее в языковом сознании говорящего, мы можем условно (!) представить два класса слов – слова, «изначально» именующие предметы (условно назовем их *первичные существительные*), и слова, «изначально» именующие качества (условно назовем их *первичные прилагательные*). Соответственно в языковом сознании говорящего бытуют также производные от существительных прилагательные и производные от прилагательных существительные (условно назовем их *вторичными*). Первичные и вторичные существительные (или прилагательные) имеют одинаковые формально-грамматические характеристики. Но одинаковы ли они с семантической точки зрения? Так, одинаково ли ведут себя в контекстах «первичное» существительное *небо* и «вторичное» существительное *лазурь*?

Однако здесь необходимо оговорить, что слово *лазурь* выбивается из указанной схемы, поскольку «первично» именно заимствование, имеющее в русском языке формальные признаки существительного, но при этом называющее качество. Нельзя не учитывать и тот факт, что исторически границы между существительным и именным (кратким) прилагательным были размыты, не чётки, и слово *лазурь*, по крайней мере, с точки зрения семантики и психологии восприятия, могло пониматься как слово, именующее качество – как прилагательное. А в наивном восприятии современного носителя языка это слово чаще может мыслиться как производное от прилагательного *лазурный*, хотя таковым и не является. Учитывая эти обстоятельства, мы условно будем считать существительное *лазурь* «вторичным».

Таким образом, «вторичное» существительное *лазурь* крайне редко сочетается с глаголами *видеть*, *смотреть* (*на / в*), тогда как «первичное» существительное *небо* часто выступает в подобных контекстах, ср.: (1) «Большинство людей **смотрит на небо** с простенькой мыслью — о погоде». Евг. Евтушенко; (2) «Раз ударит по гвоздю, минуту **смотрит на небо**, чешется...». В. Шукшин; (3) «Он со страхом и мольбой **смотрел на небо**...». А. Варламов; (4) «Вы **смотрите в небо**. Небо постепенно чернеет». И. Мартынов; (5) «Он лежал на спине — **глядел в небо**...». В. Маканин. Отметим, что слово *лазурь* сочетается с указанными глаголами в основном в том случае,

если находится в составе словосочетаний «небесная лазурь», «лазурь неба».

Анализ корпуса текстов позволяет нам сделать вывод о том, что существительное *лазурь* часто выступает в расширенном или переносном значениях, ср.: (1) «*В юности в это время года Ольгу тянуло уйти куда-то за несбыточную лазурь*». А. Малышкин; (2) «*И все души, загипнотизированные ее чудодейственной волею, летели, как на крыльях, в неизвестную лазурь*». Г. Чулков; (3) «*Что бы испытала безоблачная лазурь его мировоззрений, когда бы он узнал, что «герой наш, князь Сергей» поднялся на царя?»* С. Волконский; (4) «*Далекая неведомая солнечная лазурь в гордом сознании приветствуемых участников переворота сливалась воедино с великой народной победой*». Н. Суханов; (5) «*Кто познал явлений красоту, / Тот познал мечту Гиперборея: / Тишину и полноту / В сердце сладостно лелея, / Он зовет лазурь и пустоту*». М. Гершензон; (6) «*Иногда в зияющих трещинах рассудка видна бывает лазурь вечности*». С. Фудель. Представляется, что именно признаковая природа слова *лазурь* способствует семантической деривации и даёт возможность развиваться переносным употреблением.

Возможно также, что именно признаковая природа способствует тому, что это слово часто встречается в бытийных и номинативных предложениях, которые нередко служат не для констатации некоторого факта, а для описания, ср. (1) «*Синяя лазурь, и жара, и магнолии, и превосходные гостиницы в Стресе...*». В. Набоков; (2) «*Золото, багрянец, лазурь и изумруд осени*». О. Бессарабова; (3) «*А прямо была лазурь свободная и бледно-голубая*». А. Белый. Однако существительное *лазурь* редко выступает активным субъектом-деятелем, тогда как слово *небо* часто выступает именно в этой синтаксической функции, ср. такие употребления, как *небо почернело и сомкнулось, просветлело, догорает алым, горит на западе, обрушивается на нее, безмолвствует, пылает, блестит, светится, волнуется, сияет голубизной, полнится светом, очистилось*. Ср. также: (4) «*Небо натужно и тускло тлеет отбрасываемым снизу заревом слабого ночного освещения*». В. Распутин; (5) «*Небо выплывало из-за холма, сверкающего белизной с золотым солнечным отливом*». И. Муравьева; (6) «*Небо проснулось все также безнадежно чистым*». Д. Гранин; (7) «*На мгновение светлое небо за окном мигнуло, словно зажмурилось*». И. Грекова; (8) «*Частыми дождями заплакало небо*». Л. Андреев; (9) «*Небо продолжало расчищаться*». И. Тургенев.

Наблюдения над употреблением слова *лазурь* позволяют описать механизм превращения признака в предмет. Во множестве употреблений это слово проходит путь различных функциональных сдвигов - от прилагательного *лазурный* через словосочетание *лазурь* (чего) (возможно, также через синтаксический дериват, ср. *Перед ним было лазурное небо, его лазурь слетела глаза*) и существительное с определением *лазурь* (какая) до самостоятельного (без опоры на определение) существительного *лазурь*, ср.: *лазурное небо – лазурь неба – небесная лазурь – лазурь*.

Но при этом слово *лазурь* имеет ограниченную сочетаемость, являясь, за редкими исключениями, наименованием неба или моря. Представляется, что именно этим обстоятельством обусловлены случаи полного превращения качества «лазурь» в предмет «лазурь», являющийся наименованием только одного природного объекта – неба. Таким образом, мы не можем говорить о наличии общего, закономерного языкового алгоритма превращения признака в предмет, точнее – в «абсолютный предмет», но мы можем сделать вывод о наличии метонимического переноса, превращающего слово *лазурь* в «абсолютный предмет». Оговоримся лишь, что мы не рассматриваем и не учитываем этимологическую природу слова и диахронное развитие его грамматических форм и семантики.

Согласно М. Фасмеру, слово «лазурь» заимствовано русским языком через посредство польского *lazuć*, следовательно, «-рь» в данном случае не является русским суффиксом². Однако в русском языке есть слова на -рь, обозначающие некоторые свойства или качества, ср. *хмурь* ‘хмурый вид; облачность, сумрачность неба’, *изгарь* ‘что-либо горелое’, *дурь* / *придурь* ‘некоторая глупость, причуда’. И такие заимствования, как *лазурь*, *глазурь*, изначально также обозначающие качества, легко вписываются в эту группу слов, приобретая дополнительный семантический оттенок отвлеченности, обобщенности. Таким образом, заимствовав по аналогии русский словообразовательный «паспорт», слово *лазурь* формально закрепляет значение качественности, признаковости.

Доминирующий в русском языке способ суффиксально-префиксального словообразования позволяет также развиваться окказиональным формам, придающим производному слову новые оттенки смысла. Так, в русской поэзии известен окказионализм Игоря Северянина *лазорье*, употребленный впоследствии Вл. Маяковским и О. Мандельштамом, ср.: (1) «*О, безбрежное лазорье! / Душа парит! паря, творит!*» И. Северянин; (2) «*Мы чище венецианского лазорья, / морями и солнцами омытого сразу!*» . Маяковский; (3) «*Любезный Ариост, быть может, век пройдет - / В одно широкое и братское лазорье / Сольем твою лазурь и наше черноморье. /...И мы бывали там. И мы там пили мед...*». О. Мандельштам.

Во-первых, форма *лазорье*, абстрагируя семантику слова *лазурь*, нейтрализует такие частные значения, как ‘лазурь неба’, ‘лазурь моря’, и выступает в текстах диффузно в более общем значении ‘пространство’. Пространственное значение - ‘некоторое место, пространство, отмеченное лазурным, ярким, ясным цветом-светом’ - слово *лазорье* приобретает, входя в группу слов на -ье, ср. аналогичные слова с пространственной семантикой: *устье*, *гнездовье*, *верховье*, *зимовье*, *взморье*, *приморье*, *залесье*, *побережье*, *мелколесье*, *густолесье*, *мелководье*, *междуречье* и др. Кроме того, среди подобных слов есть немало топонимов, что позволяет

² Этимологический словарь Макса Фасмера - <https://gufu.me/dict/vasmer/>

оказионализму *лазорье* наращивать в некоторых контекстах топонимическую семантику, как например, в тексте (3), ср. топонимы: *Поволжье, Приморье, Закарпатье, Замоскворечье, Приднестровье, Причерноморье, Зауралье, Приуралье, Придунавье* и др.

Особое место занимают в этом ряду слова *лукоморье, зазеркалье, зарубежье*, которые, в свою очередь, вводят слово *лазорье* в контексты - фольклорный, мифологический (*лукоморье*), сказочный, фантастический (*зазеркалье*), а также в область отчасти виртуального или ментального пространства (*зарубежье*). На *-ье* оканчиваются также слова типа *веселье, затишье, засилье*, которые имеют семантику 'продолжительность, протяженность в пространстве, во времени'. Семантический компонент 'протяженность' также входит в структуру лексического значения слова *лазорье*.

Согласно А.А. Потебне, производные от прилагательных существительные женского и среднего рода часто имеют более отвлеченную семантику, чем производящее прилагательное³. Так, прилагательное *лазурный* обычно указывает на конкретный цветовой признак предмета (ср., *лазурное море / небо*), тогда как существительное *лазурь* чаще указывает на тот же, но при этом более обобщенный признак, ср.: (1) «*Над очарованным снежным Тобольском лазурное небо и полный блестящий месяц*». Б. А. Садовской; (2) «— *Как называет Тютчев ясное осеннее небо? — Лазурь. Чистая и теплая лазурь*». М. Рыбникова.

Таким образом, признаковая сущность, выраженная цветовым прилагательным *лазурный* (*лазурное небо / море*), в той или иной степени «опредмечивается» в различных употреблениях существительного *лазурь* (*лазурь неба / моря / его глаз*) и становится максимально «предметным», являясь обозначением «предмета-неба». У существительного *лазурь* есть синонимы – *голубизна, синь / синева*, которые, также являясь существительными-наименованиями отвлеченных признаков, обладают той или иной степенью предметности. Однако становятся ли они «предметами» так, как в отдельных контекстах становится «предметом» *лазурь*?

С этой точки зрения примечателен тот факт, что синонимы прилагательного *лазурный* образуют существительные с помощью других суффиксов, а следовательно, ассоциируются с другими словами, входят в иные словесные ряды (ср. *голубизна, белизна, серизна, желтизна, чернизна, рябизна, новизна, крутизна, прямизна, кривизна, левизна; синь, просинь, зелень, рвань, теплынь, сонь, рань, темень*). Так, например, от прилагательного *голубой* в русском языке образовано существительное *голубизна*, которое с функциональной точки зрения имеет более ситуативно, контекстно закреплённую семантику и несколько чаще, чем слово «лазурь», выступает в текстах синтаксическим дериватом, не «отрываясь» от производящего прилагательного, ср.: (1)

³ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 3, М.: Просвещение, 1968. – 552 с., с. 17.

«...*Попов омут — ровная по ширине голубая лента, брошенная в зеленую траву. Впрочем, голубизна, конечно, дело условное. Цвет зависит от неба...*». В. Солоухин; (2) «*Небо над Обью было откровенно голубым — это была не та голубизна; река являла собой вечернюю сиреневость — сиреневость была не той, нужной сиреневостью; раннему месяцу на роду было положено казаться сквозным — с просквоженностью дело обстояло исключительно плохо*». В. Липатов; (3) «*Как вдруг — неожиданно, мгновенно, будто выскерк молнии — солнце вырывается из-за облака. И тотчас все преобразается. То есть лес по-прежнему остается зеленым, река голубой, тропинка желтой, ромашки белыми — но как все изменилось! Это уже совсем другая зелень, другая голубизна, другая белизна. Все другое*». А. Рекемчук; (4) «*Наконец возник голубой забор, тот самый, истинный. Даже в темноте отчётливо просматривалась его голубизна*». Б. Окуджава.

Во всех приведенных текстах прилагательное «голубой» и его синтаксический дериват – деадъектив «голубизна» - соседствуют, что само по себе говорит о минимальной предметной семантике деадъектива. Однако и в текстах, где существительное «голубизна» выступает самостоятельно от производящего прилагательного, оно не отрывается от своей первичной качественной семантики и остается обозначением отвлеченного качества, ср.: (5) «*Чем больше всматриваешься в небо, особенно возле солнца, тем тверже западает в голову мысль, что не голубизна — самый характерный признак его, а светоносность, напоенность пространства светом*». П. Флоренский. Но и в этом случае семантика существительного «голубизна» может быть представлена градационной шкалой – от наибольшей признаковости до минимальной, соответственно – от минимальной предметности до максимальной. Однако максимальное выражение предметности в данном случае не позволяет нейтрализовать качественную семантику так, как в случае со словом «лазурь», и «голубизна» не становится наименованием предмета, ср.: (6) «*...думал о том, что мягкое небо, с бледной и нежной как сало полосой улегшегося слева облака, было бы похоже на ветчину, будь голубизна розовостью*». В. Набоков; (7) «*...и день был веселый — теплынь, голубизна, сияние, наметившиеся бутоны на акации как огуречные семечки*»; (8) «*Длинный темный туннель, но вдруг голубизна, небо нараспаику*». В. Панова; (9) «*...пропала постоянная и уже слегка надоевшая августовская голубизна*»; (10) «*сквозь шторы угадывались солнце и голубизна*». (В. Аксенов).

Кроме того, слово голубизна, в отличие от существительного лазурь, имеет более широкую сочетаемость, ср.: «*стеклянная голубизна неба*» (В. Набоков), «*слабая голубизна рассвета*» (Б. Лавренев), «*голубизна апрельского дня*» (Б. Зайцев), «*голубизна ночи*» (М. Ромм), «*чистая белесая голубизна горизонта*» (Т. Поликарпова), «*голубизна чужого моря*» (В. Крейд), «*неповторимая голубизна кристальной воды*» (В. Дмитриев), «*молочная голубизна небольшого бассейна*» (Т. Тронина), «*прозрачная*

голубизна снега» (А. Вайнер), *«яркая голубизна его светлых глаз»* (О. Бессарабова), *«экранная голубизна в темноте»* (В. Маканин), *«голубизна верхушек деревьев»* (В. Бурлак), *«голубизна набухших сосудов»* (А. Проханов), *«холодная голубизна стен»* (О. Глушкин), *«сереющая травами голубизна степей»* (О. Павлов), *«голубизна президентской ленты»* (Евг. Евтушенко), *«струящаяся голубизна камней»* (А. Грин).

Слово *голубизна* можно определить как отвлеченное наименование качества, как отвлеченное существительное к прилагательному *голубой*. Контексты, в которых это слово проявляет свои семантические признаки, свидетельствуют о том, что оно не обладает другими оттенками значений, и это, безусловно, препятствует дальнейшему развитию у него предметной семантики.

Слова же *синева*, *синь*, наряду с отвлеченной семантикой, способны передавать также и другие оттенки значения, в определенной мере способствующие развитию предметного значения. Так, слово *синева* в некоторых контекстах реализует пространственную семантику, что в свою очередь усиливает предметную составляющую его значения, ср.: (1) *«Вдруг на фоне этого рыжего плато глазам открылась густая синева океана»*. В. Овчинников; (2) *«... на горизонте — синева лесов...»*. А. Игнатъев; (3) *«Несколько крупных чаек преданно провожали паром. Со всех сторон синева»*. В. Песков, Б. Стрельников; (4) *«Я зажмуриваюсь от яркого света в глаза, вдруг он меркнет и вокруг вырастает синева шатром над головой»*. Ю. Петкевич; (5) *«А утром неба синева / Обнимет моря синеву...»*. К. Серафимов.

Следует отметить, что некоторые существительные на «-ва» имеют собирательное значение (ср., *братва*, *пацанва*), которое в определенном смысле можно считать смежным со значением пространственности. Собирательное значение имеют также существительные на «-нь» (ср., *зелень*, *рвань*, *ругань*), что, возможно, влияет на значение существительного *синь*, которое является не только конкретизированным обозначением ясного синего неба или моря, но и пространства в целом, заполненного синим цветом, отражающего цвет неба, ср.: (1) *«Позади безбрежная тёмная синь, наполненная лишённой берегов жизнью»*. Т. Соломатина; (2) *«В то утро начального октября за окном была синь...»*. Ю. Трифонов; (3) *«В окнах уже стояла весенняя томительная синь»*. В. Дудинцев; (4) *«Я открыл глаза, увидел, что за окнами проступает предутренняя синь»*. М.Петросян; (5) *«...зелень да синь вокруг, да золотой солнца жар»*. Б.Екимов; (6) *«Это все равно, как если бы закончился долгий непролазный лес, за которым открылась ширь и синь»*. Л. Конорев.

Приведенные примеры, как представляется, передают еще один оттенок значения – ощущение, состояние, настроение, обусловленные атмосферой синего пространства - синевы, сини (ср. ассоциацию с такими словами, как *тепльнь* ‘ощущение тепла’, *сонь* ‘состояние сонливости’), ср. также: (1) *«Светит месяц. Синь и сонь»*. С. Есенин.

Рассмотренные нами отадьективы *голубизна*, *синь*, *синева*, а также функционально близкое к ним слово *лазурь* не способны стать именем «абсолютного» предмета – сущности максимально материализованной, видимой и осязаемой. Являясь формально-грамматическими существительными, с функционально-семантической точки зрения они остаются именами качеств и называют опредмеченный признак, следовательно в текстах чаще всего находятся в орбите своего «смыслового хозяина» и выступают словом-«сателлитом», ср.: (1) «**синь неба-воды**» М. Гиголашвили; (2) «*Пока я вижу ... даль и красоту природы, лазурь небес и темную синеву Волги...*». И. Ильина; (3) «*...синева моря становилась всё глубже и холоднее*». Г. Короленко; (4) «*Голубизна чужого моря*». В. Крейд.

Однако в отдельных случаях они могут стать именем «абсолютного» предмета, выступать в тексте самостоятельно и заменять своего «смыслового хозяина». Подобное явление можно считать разновидностью метонимического переноса. Но такой перенос возможен при особых условиях. Это слово должно быть наименованием уникального или единичного объекта, который при этом в языковом сознании говорящего стойко ассоциируется с признаком, обозначаемым отадьективом. Так, слово *небо* часто заменяется словами *лазурь*, *синь*, *синева*, ср.: (1) «*Где гаснут звезды на заре, / Где рассветает синева...*». С. Клычков; (2) «*На солнцепоке смотришь в синь, / Где облака, как гроздь жемчужин...*». Ю. Джанумов; (3) «*Позади развалин Владимирский собор подпирал облака и лазурь широким куполом*». А. Иличевский. Можно найти большое количество текстов, в которых эти слова употреблены вместо слова *небо* и являются прямым его наименованием. В этом случае они не увязаны по смыслу с другими словами в тексте – с определяющими (*синь неба*), с производящим словом (*Небо синело в вышине. Его синева...*).

Однако эти слова обычно не выступают наименованием другого природного объекта – *моря*. На первый взгляд кажется, что для человека небо и море – два приблизительно равнозначных по величине и важности природных объекта. Ведь «небо — это перевернутый океан». Ф. Бегдебер. Наконец, «море и небо — два символа бесконечности». Дж. Мадзини; «море — ведь тоже молитвенник, оно свидетельствует о Боге». Ж.-П. Сартр. И тем не менее именно небо в сознании говорящего несет в себе сакральное начало, именно с небом связаны Вера, Надежда, Таинство, Бог, Недосягаемое, Трепет перед высшими силами, именно небо является объектом уникальным из уникальных, а значит, именно оно может быть заменено полностью и безоговорочно своим словом-опредмителем, словом-«сателлитом». Ведь «нету лучшей иконы, чем небо!» В. Аксенов. Ср.: «*Небеса бездонны эти — / Синь и жуть. / Нас, как рыбу, манит в сети / Млечный Путь*». Д. Самойлов.

Язык предоставляет формально-грамматический механизм трансформации предмета в качество и качества в предмет, однако произведенные таким образом слова неизбежно несут в себе первичные свойства предмета или качества. Так, например, слова *синева*, *кривизна*, *желтизна*, *краснота* обречены нести в себе качественные признаки и быть наименованиями «опредмеченного» качества, тогда как слова *топорный*, *деревянный*, *каменный*, *птичий*, *золотой* – «окачествленного» предмета. Эти слова обречены оставаться в языке «двуликим Янусом», исполняющим свою особую роль. Однако трансформироваться в существительное или прилагательное слову позволяет не только наличие в языке формально-грамматического механизма, но и сама природа имени, совмещающая в себе набор признаков и способность проецировать их на объект внешнего мира. По сути, подобные слова не столько именуют предмет (качество) или указывают на него, сколько проецируют качественные признаки на предмет или предметные признаки на качество.

Ключевые слова: предмет, качество, предметность, признаковость, формально-грамматическое свойство слова, семантическое свойство слова

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Առարկան և հատկանիշը լեզվի տեսանկյունից – Հոդվածը նվիրված է բառի առարկայական և հատկանիշային էության վերլուծությանը. բառը որպես լեզվամիավոր, և օբյեկտը՝ որպես արտաքին աշխարհի տարրի հարաբերակցություն: Քննության է առնվում նաև բառի խոսքիմասային իմաստների և արտաքին աշխարհի օբյեկտի հատկանիշերի փոխազդեցությունը:

Բանալի բառեր – *առարկա, հատկանիշ, առարկայի հասկացություն, հատկանիշի հասկացություն, բառի ձևաբերականական հատկանիշներ, բառի իմաստային հատկանիշներ*

ROUZAN GRDZELYAN – The Subject and Quality through the Prism of Language. – The article is devoted to the description of the objective and qualitative nature of the semantics of the word, the correlation of formal grammatical and semantic features of the word – the mutual influence of the grammatical semantics of the word and the characteristics of the subject as an object of the external world.

Key words: subject, quality, objectivity, attribute, formal grammatical features of a word, semantic features of a word

Поступление: 04.10.2019

Рец.: 18.10.2019

Принято к печати: 05.12.2019